

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На правах рукописи

Круглов Василий Михайлович

Ранние рукописные переводы с французского
языка на русский и формирование
русского литературного языка нового типа

Специальность 10. 02. 01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Санкт-Петербург
2004

Диссертация выполнена в Институте лингвистических исследований Российской академии наук.

Научный консультант —
доктор филологических наук З. М. Петрова.

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, профессор С. И. Николаев,
доктор филологических наук, профессор Т. В. Рождественская,
доктор филологических наук, профессор Н. Е. Сулименко.

Ведущая организация —
Институт русского языка Российской академии наук.

Защита диссертации состоится 28 декабря 2004 года в 14 00 часов на заседании диссертационного совета Д 002. 055. 01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Институте лингвистических исследований РАН по адресу:
199 053, Санкт-Петербург, Тучков пер , д. 9.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института лингвистических исследований РАН.

Автореферат разослан « 19 » ноября 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

И В. Недялков

В первой половине XVIII века начинается формирование русского литературного языка нового типа, дальнейшее развитие которого происходит в результате отбора языковых средств, отвечающих новым коммуникативным заданиям, и спустя сто лет приводит к возникновению современного русского литературного языка. Начало указанного процесса приходится на Петровскую эпоху, которая закономерно представляет для историков русского языка особый интерес. Именно в этот период появляются тексты, язык которых, по замыслу их создателей, должен был быть противопоставлен «славенскому высокому диалекту» и которые современные исследователи обычно называют текстами на «простом» языке, имея в виду отсутствие здесь маркированных признаков книжности — церковнославянских и устаревших форм, слов и оборотов, и отсылая к термину, которым пользовались авторы конца XVII — начала XVIII века. В факте появления и распространения «простого» языка нередко видят начало формирования русского литературного языка нового типа, подчеркивая важность для дальнейшей истории русского литературного языка произошедших в Петровскую эпоху перемен и утверждая, что по отношению к предшествующему периоду этот язык представлял собой новообразование.

К середине 1720-х годов в среде деятелей Петровской эпохи, получивших европейское воспитание и образование, возникает потребность в переводе произведений не только утилитарной, но и изящной словесности. К этому времени относится одна из первых попыток создания такого литературного языка, в переводе на который философский трактат и авантюрно-нравоучительный роман звучали бы по-разному.

Ц е л ь диссертационного исследования состоит в изучении механизмов формирования литературного языка нового типа, то есть такого языка, в котором просматриваются черты полифункциональности и дифференциации стилистических средств.

А к т у а л ь н о с т ь обращения к данной теме определяется тем, что целый ряд вопросов, касающихся формирования норм русского литературного языка в первой трети XVIII века, до сих пор остается дискуссионным, а печатные и рукописные памятники Петровской эпохи не стали до сих пор объектом комплексного лингвистического изучения.

Но в и з н а исследования состоит в том, что в впервые предпринимается попытка описания узуса петровских переводчиков, определения признаков его внутреннего единства и тенденций его развития на протяжении второго десятилетия XVIII века; на основании сопоставительного анализа двух неизученных рукописных переводов, относящихся к разным жанрам и принадлежащих перу одного переводчика, реконструируется попытка создания литературного языка нового типа.

Основным м а т е р и а л о м диссертации послужили два перевода А. Ф. Хрущева 1720-х годов. Это сохранившиеся в рукописном виде

1) роман Ф. Фенелона «Похождение Телемака» (по спискам: РГБ собр. ОИДР № 161, собр. Ундольского № 944, собр. Беляева № 50, собр. Музейное № 3596; ГИМ собр. Уварова № 494; РНБ собр. ОЛДП F.117, собр. Колобова № 396, F.XV.55, F.XV.13; БАН осн. собр. № 31.4.27, собр. Музея Приенисейского края № 114) и его оригинал (издание «*Les Aventures de Telemaque*»; Rotterdam, 1718);

2) второй трактат «О правлении» Джона Локка (по спискам: РГАДА Ф. 181 № 194; РНБ F. П. 41; РГБ Ф. 178 № 1677) и его оригинал (издание «*Du gouvernement civil*»; Amsterdam, 1691).

В качестве сравнительного материала были привлечены два перевода с французского языка на русский, напечатанные гражданским шрифтом, и их оригиналы:

1) «Книга о способах, творящих водохранилища рек свободное» (М., 1708. — «*Traité des moyens de rendre les rivières navigables*»; Amsterdam, 1696);

2) «Разсуждение о оказательствах к миру» (СПб., 1720. — «*Considerations sur les apparences de la paix*»; Londres).

В главе, посвященной развитию лексической системы, использовались также материалы Картотеки Словаря русского языка XVIII века, хранящейся в Словарном отделе ИЛИ РАН в Санкт-Петербурге, и собственные выборки автора из произведений разных жанров.

В з а д а ч и работы входят:

1. Выработать принципы отбора текстов для описания языковой ситуации Петровской эпохи и определить место рассматриваемых переводов в ряду других.

2. Выделить наиболее значимые параметры лингвистического описания текстов.

3. Используя выбранные параметры, охарактеризовать особенности языка «Книги о способах, творящих водохранилище рек свободное» и «Разсуждения о оказательствах к миру»,

4. Путем сопоставления особенностей названных текстов определить признаки узуса петровских переводчиков, представленного в переводах с французского языка, и охарактеризовать его внутреннее единство и тенденции в развитии.

5. Используя выбранные параметры, описать нормы, характерные для русского перевода второго трактата «О правлении» Дж. Локка, и выяснить их преемственность по отношению к узусу петровских переводчиков 1710-х годов.

6. Обратиться к текстам, которые принадлежат перу одного переводчика и характеризуются разной жанровой принадлежностью, то есть предполагают выполнение разных коммуникативных заданий.

7. Определить признаки, отличающие стиль «Похождений Телемака» от стиля второго трактата «О правлении», и реконструировать механизм формирования русского литературного языка нового типа в Петровскую эпоху.

8. Восполнить пробелы в библио- и палеографическом изучении оговоренных для анализа памятников.

8.-1. обнаружить французское издание, послужившее источником при переводе на русский язык «Разсуждения о оказательствах к миру»;

8.-2. установить иноязычные источники, авторство и время создания русского рукописного перевода второго трактата «О правлении» Локка;

8.-3. определить издание, которым пользовался А. Ф. Хрущов при переводе с французского языка на русский романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака», а также основной список этого перевода;

8.-4. выяснить, насколько точно наиболее достоверный список романа Ф. Фенелона отражен в печатном варианте 1747 г., и может ли последний служить материалом для изучения русского языка петровского времени

9. Рассмотреть закономерности процессов, затрагивающих лексическую систему языка в период формирования литературного языка нового типа и связанных прежде всего с потребностью в обозначении новых понятий

Методы исследования. Исследование проводилось в диахроническом и условно-синхронном плане с использованием статистического и контекстуального методов, метода компонентного анализа. Тексты русских переводов были сопоставлены с их французскими оригиналами

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты диссертационного исследования позволяют существенно расширить представления о хронологии и механизмах формирования литературного языка нового типа в первой половине XVIII века, о структуре и закономерностях процессов, затрагивающих лексическую систему языка в период формирования литературного языка нового типа.

Практическая значимость исследования определяется тем, что полученные результаты могут быть применены в курсах истории русского литературного языка, исторической грамматики русского языка, истории русской переводной литературы, исторической лексикологии, а также в лексикографической практике и при публикации изученных памятников (для определения принципов издания и в качестве комментария).

Апробация работы осуществлялась в форме докладов на заседаниях Словарного отдела в Институте лингвистических исследований РАН (2002, 2003 г.), международных конференциях «История русских понятий» (Бамберг, 2001 г.) и «История глагольного управления» (Упсала, 2002 г.), на ежегодных Чтениях памяти Л. Л. Кутиной и Ю. С. Сорокина (Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН, 2004 г.) Основные положения диссертации отражены в публикациях общим объемом примерно 16 а. л.

Исходные теоретические положения диссертационного исследования заключаются в следующем.

В истории русского литературного языка XVIII век является переходным периодом от ситуации двуязычия к формированию литературного языка нового типа, то есть такого языка, который, согласно теории пражской шко-

лы, обладает полифункциональностью, стилистической дифференциацией, кодифицированностью норм и их общеобязательностью.¹

В этой связи, с методологической точки зрения, задачей истории русского литературного языка признается изучение истории формирования названных признаков.²

Языковая ситуация первой трети XVIII века характеризуется отсутствием единого литературного языка. Для данного периода характерно сосуществование множества узусов, или «гибридных систем», в различной степени представляющих собственно русские языковые средства, книжно-славянскую письменную традицию и продукты западноевропейского влияния.³

Процессы постепенного сложения норм нового литературного языка в первой трети XVIII века относятся к области морфологии и синтаксиса.⁴ Между тем, важно отметить, что именно к этому времени относится начало процессов, затрагивающих лексическую систему. Их результатом позднее станет обогащение словарного состава русского литературного языка, обеспечивающее последнему полифункциональность и стилистическую дифференциацию. Изучению этих процессов в диссертационном исследовании посвящена отдельная глава.

На защиту выносятся следующие положения:

1) К 1720-м годам относится одна из первых попыток создания литературного языка, в котором просматриваются черты полифункциональности и дифференциации стилистических средств. Об этом свидетельствует переводческая практика А. Ф. Хрушова, который, обратившись ко второму трактату «О правлении» Джона Локка и роману Фенелона «Похождение Телемака», наделяет стиль последнего характерными дифференциальными признаками.

¹ Исаченко А. В. Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов? // Сборник ответов на вопросы по языкознанию (к IV Международному съезду славистов). М., 1958. С. 24.

² Кайперт Г. Крещение Руси и история русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1991. № 5. С. 86–87.

³ Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 48.

⁴ См. соответственно: Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 287–288; Хютль-Фальтер Г. Синтаксис ранних переводов с французского языка на русский литературный язык нового типа // Доломоновский период русского литературного языка. Stockholm, 1992. С. 305.

2) «Нейтральный стиль» 1720-х годов, отраженный в переводе второго трактата «О правлении», обнаруживает черты преемственности по отношению к узусу петровских переводчиков 1710-х годов.

3) Узус петровских переводчиков 1710-х годов, представленный в двух ранних переводах с французского языка на русский, напечатанных гражданским шрифтом, — «Книге о способах, творящих водохождение рек свободное» 1708 г. и «Разсуждении о оказательствах к миру» 1720 г. — характеризуется внутренним единством и обнаруживает постепенное развитие.

4) К началу XVIII века относится начало номинативных процессов, результатом которых станет обогащение словарного состава русского литературного языка. Процессу лексического оформления новых понятий присущи особые закономерности.

5) «Разсуждение о оказательствах к миру», переведенное по указу Петра I и напечатанное в Санкт-Петербурге в 1720 году, было, как это и указано на титульном листе, действительно переведено с французского языка, а именно с лондонского издания «*Considerations sur les apparences de la paix*».

6) Второй трактат «О правлении» — первое произведение Локка, увидевшее свет на русском языке, — был переведен офицером Адмиралтейства Андреем Федоровичем Хрущовым с французского языка, точнее, с амстердамского издания 1691 г. «*Du gouvernement civil*». Перевод был выполнен в период времени с 1727 по 1729 год. Автором предисловия также является А. Ф. Хрущов, а список перевода, хранящийся в РГАДА (Ф. 181 № 194), является его автографом.

7) При переводе романа Ф. Фенелона «Похождение Телемака» А. Ф. Хрущов пользовался изданием «*Les Aventures de Telemaque*», изданным в Роттердаме в 1718 году. Основным, то есть наиболее близким к пока не обнаруженному или несохранившемуся автографу переводчика, из всех дошедших до нас списков следует считать экземпляр, хранящийся в РГБ (собрание Беляева № 50). Появившееся в шестидесятых годах XVIII века предание о том, что напечатанный в 1747 году текст романа был безнадежно испорчен безграмотными переписчиками и не может дать представление о красоте первоначального варианта, следует считать ошибочным. Издание 1747 г. обнаруживает в области орфографии и морфологии, а также в выборе фонетических вариантов многочисленные разночтения с основным списком и не может

поэтому служить источником для реконструкции лингвистических взглядов А. Ф. Хрущова и материалом для изучения русского языка петровского времени, однако оно может дать достаточное представление о форме и содержании перевода.

Структура работы. Диссертация состоит из Введения (в котором обосновывается актуальность обращения к заявленной теме, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются цели и задачи исследования), четырех глав («Проблемы изучения русского языка петровского времени», «Узус петровских переводчиков 1710-х годов», «Формирование литературного языка нового типа (два рукописных перевода 1720-х годов)», «Формирование литературного языка нового типа и развитие словарного состава (образование синонимических рядов в процессе номинации понятий)»), Заключения, Приложения, списка научной литературы и списка источников (включающих соответственно 146 и 108 наименований).

Содержание исследования

Первая глава посвящена проблемам изучения русского языка Петровской эпохи. К данной теме в разное время обращались такие исследователи, как А. И. Соболевский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, А. В. Исаченко, Л. Л. Кутина, Б. А. Ларин, Н. А. Мещерский, Ю. С. Сорокин, Г. Хютль-Фольтер, а также В. М. Живов, Г. Кайперт, Б. А. Успенский и другие. Общепринятого взгляда на языковую ситуацию первой трети XVIII века до сих пор не выработано. Данный период может характеризоваться как отсутствием литературного языка вообще, так и бытованием функционально-стилистических или жанрово-стилистических разновидностей одного, а также сосуществованием сразу двух или трех языков. Основанием сделанных выводов могут служить преимущественно лексические данные, либо, в зависимости от жанровой принадлежности текста, то лексические, то морфологические. Существуют также точки зрения, согласно которым следует сосредоточить внимание на изучении одного языкового уровня: синтаксиса или морфологии. К этому следует добавить, что выводы большинства работ основаны на наблюдениях за употреблением ограниченного числа лексических единиц и грамматических форм, уже заранее отнесенных к одному из языковых типов — русскому или церковнославянскому. До сих пор лишь несколько работ (В. М. Живо-

ва, Л. Л. Кутиной, Ю. С. Сорокина, Г. Хютль-Фольтер и некоторые другие) содержит стремящееся к полноте строгое лингвистическое описание источников. Выработка параметров такого описания и определение критериев, которые позволят отобрать достаточное количество текстов для реконструкции языковой ситуации рассматриваемого периода, представляются актуальными научными проблемами.

Принципы отбора текстов для описания языковой ситуации Петровской эпохи целесообразно, как кажется, построить с учетом тех факторов, которые могут влиять на их язык, то есть на соотношение русских и церковнославянских, устаревших и только появляющихся форм, слов и оборотов. К таким факторам относятся следующие.

1. Печатный или рукописный характер памятника. Известно, что Петр I лично следил за печатанием книг, требуя от переводчиков большей ясности стиля, в результате чего тексты подвергались существенной редакторской правке. В печатных изданиях, таким образом, можно обнаружить следы, оценить значение и реконструировать смысл петровской реформы языка. При этом очевидно, что достижение результата возможно лишь через сравнение особенностей языка печатных текстов с языком памятников рукописных.

2. Переводной или оригинальный характер текста. Иноязычный оригинал несомненно оказывает влияние на язык перевода. Это касается, прежде всего, лексического и синтаксического уровней языка. Согласно одной из распространенных теорий (Г. Хютль-Фольтер), решающие изменения в русском языке первой трети XVIII века, результатом которых стало формирование русского литературного языка нового типа, происходят в области синтаксиса и характерны для ранних переводов с французского языка. Подтвердить или опровергнуть эту теорию возможно лишь через сравнение одного из ранних переводов с французского языка по крайней мере с текстами переводов, выполненных с латыни, немецкого и голландского языков

3. Социальный статус и характер образования, полученного автором или переводчиком. Уже П. П. Пекарский выделял среди переводчиков петровского времени служащих Посольского приказа, лиц духовного сословия и переводчиков, получивших образование за границей (как правило, родовитых дворян). Можно предположить, что для каждой из названных групп были характерны свои особенности лингвистических навыков, заключающиеся, воз-

можно, в большей или меньшей степени владения традицией приказного или церковнославянского языка, а также большей или меньшей способностью к синтезу обеих традиций с разговорным русским языком и западноевропейскими заимствованиями. Принимая деление П. П. Пекарского за основу классификации текстов по этому признаку, следует сделать одно необходимое дополнение. В отдельную группу целесообразно объединить тексты, авторами которых были выходцы из Киева, и переводы, выполненные в Киеве по поручению Петра I и кн. Д. М. Голицына, ведь, как замечает сам Пекарский, «при Петре русское образование слагалось из двух стихий — киевской учености, перенесенной из Польши, и европейского просвещения, заимствованного из Голландии, Германии, отчасти Англии, Франции и даже Италии. Киевская ученость имела перевес, потому что имела за собой право давности...».

4. Время создания текста Активность языковых изменений, характерная для первой трети XVIII века, ставит исследователя перед необходимостью дальнейшей периодизации петровского времени и рассмотрению каждого десятилетия в отдельности. Основными событиями, которые могли бы удачно дополнить формально-хронологический подход к обозначению внутренних временных отрезков эпохи, могли бы стать две даты: 1708 г. — начало печатания гражданским шрифтом книг светского содержания и 1730 г. — год издания «Езды в остров любви», в предисловии к которой В. К. Тредиаковский отказывается от употребления «глубокословных славенщизны». В качестве нижней границы, вслед за авторами «Проекта Словаря русского языка XVIII века», целесообразно принять 1695 год. «Приурочение нижней границы к 1695 г. мотивируется тем, что это — время начала самостоятельного правления Петра I, время выхода на историческую авансцену нового поколения государственных и общественных деятелей. Имеется в виду, что Петр и его ближайшее окружение породили и определенную языковую политику, что речевой узус этого нового поколения деятелей в ряде отношений существенно отличается от речевых навыков предшествующего времени и что он оказывает влияние и накладывает отпечаток на языковое употребление в разных сферах литературы и письменности»⁵. Таким образом, в границах Петровской эпохи целесообразно выделить три периода: 1) 1695–1708 гг.; 2) 1708–1720 гг.; 3) 1720–1730 гг.

⁵ Словарь русского языка XVIII века. Проект. Л., 1977. С. 9.

Мысль об определяющем влиянии названных факторов, взятых в совокупности, на язык отдельного текста уже высказывалась Н. И. Толстым в работе, посвященной древнесербскому книжному языку⁶. Отличие подхода, предлагаемого в диссертационном исследовании, состоит в том, что за основу описания русского языка первой трети XVIII века не следует, как кажется, брать жанровую классификацию памятников, на которой базируется построение Н. И. Толстого. В качестве своеобразной точки отсчета целесообразно обратиться к тем текстам светской тематики, жанр которых, с одной стороны, не диктовал автору и переводчику никакого стилистического задания, а с другой — подразумевал бы использование достаточно разнообразного языкового материала, не ограничивающегося традиционными формулами. Иными словами, следует обратиться к текстам, которые не являются художественными произведениями, но, по удачному выражению Г. А. Хабургаева и О. Л. Рюминой, «предназначенны для чтения, а не специального практического назначения (вроде частных писем, челобитных, протоколов судебных дел, докладных записок и пр.)». В первой трети XVIII века обоим этим критериям отвечают произведения, относящиеся к технической, научной, философской и в некоторой степени публицистической прозе. На них и целесообразно прежде всего сосредоточить внимание, перейдя затем к сопоставительному изучению различных жанров художественной литературы.

При подобном подходе палеографические и библиографические разыскания, целью которых является атрибуция того или иного текста и обнаружение иноязычного источника русского перевода, являются обязательными условиями исследования и его частью; без них лингвистическое описание памятника имеет не много смысла.

Вторая глава посвящена узусу петровских переводчиков, представленному в двух ранних переводах с французского языка на русский, напечатанных гражданским шрифтом, — «Книге о способах, творящих водохранилище рек свободно» (СПб., 1708; далее — «Шлюзная книга») и «Разсуждении о оказательствах к миру» (СПб., 1720). Обращение к переводам, выполненным в

⁶ Толстой Н. И. Отношение древнесербского книжного языка к старославянскому языку (В связи с развитием жанров в древнесербской литературе) // Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С.168.

Посольском приказе и Коллегии иностранных дел, вызвано тем, что именно здесь языковая политика Петра I должна была найти непосредственное воплощение, а печатный характер памятников способствовал распространению представленных в них норм.

В первой части главы суммируются библиографические сведения, касающиеся выбранных текстов. Как сообщают Т. А. Быкова и М. М. Гуревич, «Шлюзная книга» была переведена Борисом Волковым, который использовал анонимное амстердамское издание 1696 г. «*Traité des moyens de rendre les rivières navigables*». Автором трактата является инженер Буйе (Bouillet). На русский язык перевод был выполнен по указу Петра I, что нашло свое отражение на титульном листе книги («напечатана повелѣніемъ благочестѣйшаго велікого Государя Царя, I велікого Князя петра алексѣевича»). О Б. Волкове известно, что, будучи сыном дьяка Посольского приказа Ивана Волкова, он получил хорошее образование за границей, где учился геометрии, географии, воинской архитектуре, французскому языку, «малое число» говорил по-немецки и по-голландски. С 1704 г. состоял на службе переводчиком французского языка, совместно с бароном Гюйссеном принимал участие в работе над «Историей Петра Великого» и три года находился в Берлине при А. Г. Головкине. Петр I, по-видимому, хорошо лично знал Б. Волкова, так как в 1708 г. наказывал И. А. Мусину-Пушкину посадить переводчика под замок, «для того что он гулять охотник». Кроме «Шлюзной книги», в начале XVIII века из переводов Б. Волкова были опубликованы еще два: «Краткое описание о войнах из книг цезариевых» (М., 1711) и «История о ординах или чинах воинских» (М., 1710).

«Разсуждение о оказательствах к миру» является памфлетом на английское министерство ганноверской ориентации, в котором доказывается необходимость сохранения за Англией Гибралтара. Основная идея произведения была созвучна целям внешней политики России, которой был не выгоден «партикулярный мир», заключенный Великобританией со Швецией в обход России, почему памфлет по указу Петра I и был переведен на русский язык и напечатан отдельным изданием. Как установил Г. Кайперт, автором памфлета является английский политик и адвокат Томас Гордон (Thomas Gordon). Указание на французский источник перевода содержится в заглавии русского издания: «переведено съ французскаго языка на руссіискои», однако до

последнего времени название оригинала оставалось неизвестным. Нам удалось обнаружить его в каталоге Французской Национальной библиотеки. Ср. «Considerations sur les apparences de la paix, et sur l'importance de laisser Gibraltar uni aux domaines de la Grande-Bretagne. Traduites de la troisième édition de l'anglois A Londres Pour l'Auteur de la Renommée» (без года, соответственно без имени автора, без имени переводчика, 18 с. в четверку) Имя русского переводчика остается неизвестным.

Далее во второй главе рассматриваются признаки, выбранные в качестве параметров лингвистического описания переводов. В области морфологии — это те формы, а в области синтаксиса и лексики — это те обороты, наречия и служебные слова, путем устранения которых из текстов, написанных на гибридном церковнославянском языке, в начале XVIII века, по мнению В. М. Живова, создается «простой» язык, или в другой терминологии — «гражданское посредственное наречие», появившееся как отклик на социальный заказ, выдвинутый реформами Петра I. В числе таких признаков: формы аориста и имперфекта, согласованные причастия в деепричастной функции; инфинитивы на -ти; формы 2 л. ед. ч. настоящего времени на -ши; формы возвратных глаголов на -ся; наречия на -ѣ; формы превосходной степени на -аиш- / -ѣиш; формы сравнительной степени с суффиксом -ш-; конструкция «да + форма настоящего времени» в значении императива или придаточного цели; родительный принадлежности, который заменяется на притяжательные прилагательные; формы двойственного числа; простое отрицание; оборот «дательный самостоятельный»; оборот «винительный с инфинитивом»; наличие связи в причастном обороте; союзы *аки бы, аще, дабы, егда, ибо, неже, обаче, поне, яко*, союзы и частицы *бо и убо*; наречия *абие, днесъ, зѣло, тако, токмо, точию, у, отонуду*, а также другие наречия и служебные слова, представленные в одном из анализируемых текстов, однако отсутствующие в другом (*внегда, гораздо, елико, здѣ, идѣже, индѣ, нѣсть, опричь, потом, сирѣчь, сице, ниже, окромѣ, пока, покамѣст, развѣ* и др.). В диссертационном исследовании уделяется внимание и случаям варьирования форм в парадигмах существительных и прилагательных. В первом случае обращается внимание на формы Дат., Твор., Местн. мн., во втором — на Им.-Вин. ед. м., а также Род. ед. и Им.-Вин. мн. всех трех родов.

В качестве параметра описания выбраны также придаточные относительные предложения с местоимением *который*, позволяющие проследить соотношение представленных в тексте синтаксических неологизмов («*который-цепей*» — последовательностей придаточных предложений, отсылающих к одному антецеденту), устаревающих конструкций (с повтором существительного и препозицией придаточного) и оборотов, остающихся в употреблении, однако изменяющих свою внутреннюю структуру (с местоимением *который* в родительном падеже со значением принадлежности, находящимся в пре- или постпозиции по отношению к существительному). Также обращается внимание на корреляты — местоимения с указательной семантикой, находящиеся в главном предложении и отсылающие к придаточному, анализируется частотность их употребления, зависимость от конструкций французских оригиналов и лексический состав. Ср некоторые примеры, демонстрирующие рассматриваемые типы конструкций с местоимением *который*:

а) «*который-цепи*»: *по пропорції протївности, которые они находят, и протївъ которыхъ они плещутся* («Шлюзная книга», с. 69);

б) повтор существительного: *. судно І' возможеть въ сію шлюзу воїтїть, отъ которой шлюзы затворя ворота верхніе къ D ...* («Шлюзная книга», с. 41);

в) препозиция придаточного: *И тако которые похотят мнѣ помогать, тѣ могут адресоватся к Візу Индепенденту, у друкаря Господїна Роберта Валеѣ Варвіке* («Разсуждение», с. 27–28);

г) препозиция / постпозиция местоимения *который* в род. падеже со значением принадлежности: *махїны . которыхъ же сілы суть прїбавлены . .* («Шлюзная книга», с. 18) / *А нынѣ имянують фїюмїцїнскїмъ, прї устьѣ котораго канала я назначїль крыловое дѣло* («Шлюзная книга», с. 109);

д) употребление коррелята: *. И оное Донкісхотїсмо, по которому люди побуждены были, да бы по всему свѣту їздїть* («Разсуждение», с. 17).

Сопоставительный анализ текстов, которому посвящена вторая часть второй главы, позволяет сделать следующий вывод. Узус петровских переводчиков 1710-х годов, представленный в двух ранних переводах с французского языка на русский, напечатанных гражданским шрифтом, — «Книге о способах, творящих водохождение рек свободное» 1708 г. и «Разсуждении о

оказательствах к миру» 1720 г. — характеризуется внутренним единством и обнаруживает постепенное развитие.

Внутреннее единство узуса проявляется в том, что для обоих переводов характерно

1) употребление как инфинитивов на -ть, так и инфинитивов на -ти с существительным преобладанием первых;

2) употребление форм степеней сравнения на -аиш- / -ѣиш- в значениях как компаратива, так и суперлатива;

3) варьирование флексий -амъ / -омъ, -ами / -ы, -ахъ / -ѣхъ у существительных м. и ср. рода соответственно в Дат., Тв. и Местн. падежах, где «старые» окончания представлены единичными примерами;

4) варьирование флексий -ои / -ьи, -аго / -ого / -ова, -ые / -ья в парадигме имен прилагательных соответственно в Им.-Вин. ед. м., Род. ед. м. и ср., а также Им.-Вин. мн. всех трех родов;

5) отсутствие варьирования форм у имен прилагательных в Род. ед. ж. рода, где представлена только флексия -ои;

6) отсутствие характерных лексических славянизмов *аще, неже, обаче, поне, убо, абие, днесъ, точию, у, отонуду*;

7) наличие союзов *дабы* и *ибо*, а также наречий *зѣло, тако* и *токмо*.

Что касается употребления придаточных относительных с местоимением *который*, то для обоих текстов характерно

8) вызванное влиянием оригиналов употребление конструкций, состоящих из последовательности отсылающих к одному antecedенту придаточных предложений с местоимением *который* (*который-цепей*);

9) использование оборотов, где местоимение *который* стоит в Род. падеже со значением принадлежности зависит от существительного, также находящегося в этом придаточном, и где позиция местоимения всегда зависит от французского оригинала, включая и один пример с препозицией существительного;

10) наличие постепенно выходящих из употребления конструкций с повтором существительного и оборотов с препозицией придаточного предложения, которые представлены единичными примерами.

Постепенное развитие описываемого узуса проявляется в том, что в более позднем переводе отсутствуют некоторые признаки, представленные, как

правило, единичными или немногочисленными примерами в более раннем. К ним относятся:

- 1) формы аориста;
- 2) согласованные причастия в деепричастной функции;
- 3) наречия на -ѣ;
- 4) «да + форма настоящего времени» в значении императива;
- 5) конструкция с простым отрицанием;
- 6) обороты «дательный самостоятельный» и «винительный с инфинитивом»;
- 7) характерные лексические славянизмы *внегда, гораздо, елико, здѣ, идѣже, индѣ, нѣсть, опрѣчь, потом, сирѣчь, сице*

В более позднем тексте сокращается употребление инфинитивов на -ти, устраняются инфинитивы типа *войти* и типа *перевести*; появляются служебные слова *ниже, кроме, пока, покамест, развѣ*, а также характерные для приказного языка наречия *всюды, откуды, оттуды, сюды*.

Кроме того, в Род. ед. м. и ср. имен прилагательных флексия -ого становится преобладающим вариантом, а флексия -ова исчезает, что видно из следующих таблиц:

«Шлюзная книга»		
Им.-Вин. ед. м.	-ои / -ыи	77 / 8 91 % / 9 %
Род. ед. м. и ср.	-аго / -ого / -ова	35 / 10 / 3 73 % / 21 % / 6 %
Род. ед. ж.	-ои	50
Им.-Вин. мн. м.	-ые / -ыя	32 / 1 97 % / 3 %
Им.-Вин. мн. ж.	-ые / -ыя	52 / 4 93 % / 7 %
Им.-Вин. мн. ср.	-ые / -ыя	18 / 5 78 % / 22 %

«Разсуждение об оказательствах к миру»		
Им.-Вин. ед. м.	-ои / -ьи	12 / 8 60 % / 40 %
Род. ед. м. и ср.	-аго / -ого / -ова	15 / 22 / 0 41 % / 59 %
Род. ед. ж.	-ои	10
Им.-Вин. мн. м.	-ые / -ья	29 / 1 97 % / 3 %
Им.-Вин. мн. ж.	-ые / -ья	16 / 1 94 % / 6 %
Им.-Вин. мн. ср.	-ые / -ья	12 / 1 92 % / 8 %

Что касается употребления придаточных относительных с местоимением *который*, то в тексте «Разсуждения» заметно увеличивается количество случаев, когда в главном предложении употреблены корреляты — местоимения с указательной семантикой, обеспечивающие более прозрачные связи внутри сложного предложения.

Третья глава посвящена проблеме формирования русского литературного языка нового типа. По мнению В. М. Живова, идиом, появившийся в результате реформ Петра I и созданный несколькими поколениями его сподвижников, не обладал признаками, присущими литературным языкам нового типа — полифункциональностью, общезначимостью, кодифицированностью и стилистической дифференциацией. Как показывает представленный в диссертационном исследовании материал, уже к 1720-м годам относятся первые сознательные попытки отбора языковых средств, отвечающих новым коммуникативным заданиям. Одну из таких попыток можно проследить на примере двух дошедших до нас рукописных переводов А. Ф. Хрушова, относящихся к 1720-м годам, — второго трактата «О правлении» Дж. Локка и романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака».

Данная глава посвящена сравнительному анализу двух названных переводов. Приняв допущение, что лингвистические взгляды Хрушова в течение 1720-х годов не претерпели существенных изменений, целесообразно сосре-

доточить внимание на дифференциальных признаках языка «Похождения Телемака» (так было переведено на русский язык заглавие романа), рассматривая при этом текст второго трактата «О правлении» в качестве нейтрального фона.

Об Андрее Федоровиче Хрущове известно, что он родился в 1691 году, в 1705 г. учился в гимназии Глюка, а в январе-июле 1711 г. — в Немецкой и Французской школах в Москве. В 1712 году по повелению Петра I он был отправлен в Амстердам, где находился до 1720 года; с 1721 г. служил в Адмиралтействе, сначала в конторе экипажных дел, а с 1726 г. советником; в марте 1734 г. был назначен помощником начальника Сибирских и Уральских горных заводов В. Н. Татищева, вместе с которым отправился на Урал. По возвращении в Петербург в конце 1730-х годов Хрущов сблизился с А. П. Волынским и участвовал в составлении «Генерального проекта о поправлении внутренних государственных дел», а в 1740 г. обвинен в государственной измене и казнен 27 июня того же года. Также известно, что в 1719 году Хрущов перевел «Утешение духовное, или О следовании Иисусу Христу» Фомы Кемпийского (Thomas à Kempis «La consolation interieure: ou le livre de l'imitation de Jesus-Christ»), в 1738 — «О воспитании девиц» Франсуа Фенелона (Fénelon «L'education des filles») и «Наставление юной княжне» шевалье де Ля Шетарди (de La Chetardye, Trotti «Instruction pour une Jeune Princesse»). О двух последних переводах мы знаем лишь из надписей на книгах, принадлежавших Хрущову (в научный оборот их ввел П. И. Хотеев), тогда как первый дошел до нас во многих списках. Все переводы были выполнены Хрущовым с французского.

В следующем параграфе третьей главы рассматриваются пять списков средневекового мистического трактата «Утешение духовное, или О следовании Иисусу Христу», приписываемого Фоме Кемпийскому, который А. Ф. Хрущов перевел в 1719 году. О пяти списках перевода почти сто лет назад сообщил А. И. Соболевский. Наибольший интерес для исследователя русского языка XVIII века представляет список РГБ, Музейное собрание № 2996. Рукопись, выполненная каллиграфической скорописью, датируется, как указывают составители «Описания рукописей Музейного собрания», второй четвертью XVIII века. В диссертации уточняются некоторые предложенные Соболевским датировки. Так, установлено, что экземпляр РНБ, Соловец-

кое собр. № 1212, считающийся списком петровского времени, относится не к 1723 г., а к 1780-м годам (в конце книги обнаруживается, в частности, бумага Вологодской фабрики содержателя Торунтаевского с водяными знаками «ВФСТ 1783»); а список РГАДА, Ф. 201, собр. Оболенского № 159, который А. И. Соболевский относит к «половине XVIII века» датируется более поздним временем, а точнее уже XIX веком (среди прочих типов в нем обнаруживается бумага с водяным знаком, содержащим дату «1831»).

Следующая часть третьей главы посвящена переводу второго трактата «О правлении» Джона Локка — истории его создания и особенностям его языка. «Два трактата о правлении» (*Two treatises of Government*, 1690) содержат социально-политическую концепцию Локка: здесь изложены и обоснованы принципы государственного устройства на началах парламентной монархии. Перевод второго, наиболее знаменитого трактата на русский язык в начале XVIII века оценивается историками культуры как значительное событие, которое может рассматриваться либо в контексте Петровских реформ (А. М. Панченко), либо в связи с деятельностью Верховного тайного совета при Екатерине I (С. В. Польской). До недавнего времени об этом рукописном памятнике было известно, что он сохранился в трех списках (С. И. Николаев) и что один из списков принадлежал князю Д. М. Голицыну. Было выдвинуто несколько предположений, согласно которым трактат был переведен по заказу Д. М. Голицына (С. П. Луппов), предисловие к трактату написано им же (С. В. Польской), а сам перевод был выполнен в первой (А. М. Панченко) или второй (А. С. Лаппо-Данилевский) половине 1720-х годов.

Специальное обращение к истории появления этого памятника некоторые из перечисленных предположений не подтвердило. Как нам удалось установить, трактат был переведен А. Ф. Хрущовым, перевод был выполнен с французского языка, точнее — с амстердамского издания 1691 года, по-видимому, в период времени с 1727 по 1729 год. Хрущовым было написано и предисловие к русскому переводу. Установив, что экземпляр, хранящийся в Российском государственном архиве древних актов в Москве, является автографом переводчика, о чем свидетельствуют содержащиеся в нем исправления, мы сравнили почерк этого списка с автографами Хрущова на принадлежавших ему книгах из коллекции Библиотеки Академии наук в

Санкт-Петербурге. В определении источника перевода и уточнении хронологии, наряду с изучением библиографий произведений Локка и сопоставлением русского текста с различными изданиями оригинала, помогли опубликованные описи библиотеки Хрущева и материалы его биографии.

Таким образом, перевод второго трактата «О правлении» Джона Локка может привлечь внимание историка русского языка по нескольким причинам. Во-первых, как ранний перевод с французского, во-вторых, как текст на «простом» языке, в-третьих, как произведение, сам жанр которого не диктовал переводчику никакого стилистического задания. В-четвертых, перевод был выполнен лицом, не связанным с Киевской академией и не являвшимся переводчиком по службе. Иными словами, переводимый текст не подвергался как искусственной славянизации, так и искусственному «упрощению», отражая литературно-письменный узус узкого круга уже европейски образованной дворянской элиты.

Лингвистический анализ памятника указывает на то, что текст второго трактата «О правлении» обнаруживает сходство с «Разсуждением о оказательствах к миру», то есть демонстрирует преемственность по отношению к узусу петровских переводчиков, претерпевшему определенное развитие на протяжении 1710-х годов.

О преемственности можно говорить, имея в виду прежде всего отсутствие в тексте трактата «О правлении» форм аориста, оборотов «дательный самостоятельный» и «винительный с инфинитивом»; использование согласованных причастий в деепричастной функции и форм на -аиш- / -ѣиш- как в значении компаратива, так и супрлатива; практически полное отсутствие инфинитивов на -ти, а также наречий на -ѣ; дальнейшее сокращение инфинитивов на -ти у возвратных глаголов; варьирование флексий у сущ. м. и ср. р. в Твор. мн. с существенным преобладанием формы на -ами, а также преобладание флексии -ого у прилагательных в Род. ед. м. и ср. Если обратиться к относительным придаточным с местоимением *который*, то здесь преемственность обнаруживается в использовании в функции коррелятов местоимений *тот, такой, сей*; в употреблении *который*-цепей, чья структура в большинстве случаев обусловлена французским оригиналом; а также в том, что выходящие из употребления конструкции с повтором существительного и препозицией придаточного представлены единичными примерами. В области

лексики текст трактата обнаруживает стремление к дальнейшему исключению книжно-славянских наречий и служебных слов.

Вместе с тем, изменения, наблюдаемые в печатных текстах, в текстах рукописных происходят м е д л е н н о. Об этом свидетельствует, в частности, существенно более частое употребление в трактате «О правлении» «старых» флексии -омъ и -ѣхъ в Дат. и Местн. мн. сущ. м и ср.; единичные примеры с формой на -ья у прил. в Род. ед. ж и с формой на -ая у прил. в Им.-Вин. ср.; один случай использования оборота «да + форма презенса» в значении императива; а также более частое, чем в «Шлюзной книге», однако менее частое, чем в «Разсуждении», употребление коррелятивов.

Наиболее существенным о т л и ч и е м языка второго трактата «О правлении» является употребление церковнославянской формы на -ья в Им.-Вин. мн. прилагательных всех трех родов, выбранной в качестве основного варианта, отсутствие форм возвратных глаголов на -сь (только на -ся); использование союзов *буде* и *дондеже*, наречия *очень*, а в качестве коррелята — местоимения *онѣй*.

Далее в третьей главе рассматривается история создания и лингвистические особенности «Похождения Телемака». В России XVIII века роман Франсуа Фенелона «Les aventures de Télémaque» (1699) пользовался необычайной популярностью и на русский язык переводился неоднократно. Перевод А. Ф. Хрушова является наиболее ранним из всех известных. Его текст, дошедший до нас и в рукописном виде, позже, в 1747 году, был издан Академической типографией.

История создания «Похождения Телемака» до недавнего времени содержала в себе много неясного. В 1935 г. А. С. Орлов установил, что перевод был выполнен А. Ф. Хрушовым. Спустя сорок лет Д. С. Бабкин предположил, что первые две главы романа были переведены М. В. Ломоносовым. А. С. Орловым было замечено, что указание в печатном варианте на 1734 г. противоречит дате создания перевода, названной в рукописных экземплярах, — 1724 году. Рассмотрев все точки зрения, С. И. Николаев пришел к выводу, что «первый перевод «Похождений Телемака» был выполнен А. Ф. Хрушовым в 1724 году в Петербурге, и именно этот перевод был издан в 1747 году», а М. В. Ломоносов к переводу романа никакого отношения не имел.

Перевод Хрущова дошел до нас во многих списках, среди которых автографа Хрущова мы не обнаружили. Наиболее близким к первоисточнику, как кажется, может быть признан список РГБ, собр. Беляева № 50, не содержащий многочисленных ошибок и имеющий на л. 249об. владельческую надпись «От флота лейтенантъ Иванъ Татищевъ 1739 году. Москва». Надпись указывает на то, что список был сделан еще при жизни Хрущова и принадлежал Ивану Федоровичу Татищеву, который в 1730-х годах, так же, как и Хрущов, служил советником адмиралтейской канторы.

При переводе романа Хрущов пользовался, по-видимому, текстом, изданным в Роттердаме в 1718 году. На это указывают следующие факты. В описи библиотеки Хрущова из собрания РГАДА, составленной в 1740 г. при конфискации и опубликованной С. П. Лупповым, среди книг в восьмую часть листа под номером 38 значится «Похождения Телемаковы, сына Улисса. В Роттердаме». Подобных изданий до 1724 г. вышло только три: Rotterdam, 1717, 1718 и 1719. Следующее увидело свет уже после появления русского перевода – в 1725 г.⁷ Заглавия изданий 1717, 1718 и 1719 г. содержат незначительные отличия. В 1717 г. указывается: «Première édition conforme au manuscrit original»; в 1718 и 1719 гг.: «Nouvelle édition. Augmentée & Corrigée Sur le Manuscrit Original de l'Auteur». Сопоставление этих различий с соответствующим фрагментом русского заглавия позволяют исключить из списка предполагаемых оригиналов текст 1717 г., так как в русском заглавии читаем (пунктуация восстановлена нами): «Новая печати. С подлинного манускрипта автора умножена и исправлена» (РГБ, собр. Беляева № 50). Если же учесть, что в 1718 г. «Телемак» был издан в Роттердаме в восьмую часть листа (под такой рубрикой книга и значится в описи из собрания РГАДА), а в 1719 г. – в двенадцатую, ситуация прояснится окончательно.

Сохранилось предание о том, что напечатанный в 1747 г. Академической типографией текст был безнадежно испорчен безграмотными переписчиками, на совести которых, следовательно, и все недостатки окончательного варианта. Это мнение можно встретить, например, в предисловии В. К. Тредиаковского к «Телемахиде» и в предисловии Ивана Захарова к его собственному переводу «Приключений Телемака».

⁷ Chérel A. Fénelon au XVIIIe siècle en France (1715–1820). Tableaux bibliographiques (supplément) Genève, 1970. P. 10–12

Сопоставление текста первой книги романа по списку РГБ, собр. Беляева № 50, который мы считаем основным, с тем же фрагментом печатного издания 1747 г. обнаруживает разночтения. В них можно увидеть как отражение широко представленных в русском языке начала XVIII века различных типов вариантности, так и в некоторых случаях — сознательную редакторскую правку. Ниже приводим часть примеров, указывающих на то, что в издании 1747 г.:

1) буквы С, А, Ψ, θ, сѣ заменены соответственно на З, Я, Пс, Ф, о;

2) исправлено правописание Ъ в корнях, суффиксах и флексиях: *бедною* (РГБ, собр. Беляева № 50, нумер.) — *бѣдною* (изд. 1747, с. 1), *уведати* — *увѣдать* с. 2, *отвещаетъ* — *отвѣщаетъ* с. 3, *видети* — *видѣти* с. 3, *о Улисе* — *о Улиссѣ* с. 1, *Каликсе открытисѧ* — *Каликсѣ* с. 2, *на лице* — *на лицѣ* с. 3;

3) проведено последовательное написание буквы Ъ только в позиции перед гласной: *приятностию* — *прѣяностію* с. 2, *разбитію* — *разбитію* с. 2, *владения* — *владеніѧ* с. 3, *сіяетъ* — *сѣяетъ* с. 3, *і с нимъ гуляла* — *и с нимъ* с. 1, *почтенный* — *почтѣнный* с. 2, *іменемъ Мантора* — *именемъ* с. 2;

4) устранено фонетическое правописание постфикса у возвратных глаголов в форме 3 лица мн. числа: *пасутца* — *пасутся* с. 18, *собираютца* — *собираются* с. 19, *возвратятца* — *возвратятся* с. 25;

5) отражена на письме регрессивная ассимиляция согласных по мягкости и глухости: *скорби* — *скорьби* с. 1, *корабелному* — *корабельному* с. 2, *ветви* — *ветвьѧ* с. 4, *верховью* — *верьховью* с. 6; *неразсудномъ* — *нерассудномъ* с. 13, *разсудити* — *рассудити* с. 13, 14, *аливковые* — *алифковыѧ* с. 6; а также: *облегчали* — *облехчали* с. 1.

6) неполногласные формы заменены полногласными: *ко брегу* — *къ берегу* с. 2, *на брегъ* — *на берегъ* с. 16, *страны* — *стороны* с. 6, *деревами* — *деревьѧми* с. 6;

7) некоторые просторечные варианты заменены литературными: *откуда* — *откуда* с. 2, *ідалеча* — *издалека* с. 2

8) инфинитивы на *-ти* заменены инфинитивами на *-ть*, формы 2 лица ед. числа на *-иши* — формами на *-ишь*, формы прошедшего времени возвратных глаголов на *-ся* (кроме м. р.) — формами на *-сь*: *уведати* — *увѣдать* с. 2, *скрываети* — *скрывать* с. 2, *быти* — *быть* с. 3, *содержати* — *содержать* с. 10,

вѣдати – вѣдать с. 12, *знаеши – знаешь* с. 4, *прославился – прославилось* с. 3, *примесилася – примесилась* с. 4 и т. д.;

9) устранены «старые» флексии существительных в Дат. и Местн. мн.: *вдавшися ветром ѿ волнам – вдавшися ветрамъ и волнамъ* с. 3, *ради его премудрости в советех – въ советахъ* с. 3, *ко дверемъ – ко дверямъ* с. 4, *в такихъ лѣтехъ – лѣтахъ* с. 14;

10) флексия *-ий* в Им. ед. м. прилагательных может быть заменена на *-ой*, а иногда – наоборот: *другѣи – другой* с. 2; однако: *онои . мужъ – оный мужъ* с. 2;

11) в Род.-Вин. ед. м. и Род. ед. ср. прилагательных флексия *-ого* заменена флексией *-аго*: *остатки корабля разбитого – разбитаго* с. 2, *от всякого солнечного зноя – всякого солнечнаго* с. 5, *бѣлѣ чистого снега чистаго* с. 7, *от старого Силена – стараго* с. 9, *сына .. родителю подобнаго – подобнаго* с. 2, *ея сладкого пения – сладкаго* с. 1, *кроме .. сладостнаго и непрестаннаго пѣнія – сладостнаго и непрестаннаго* с. 5, *ради нечаяннаго благополучия – нечаяннаго* с. 21;

12) в Им.-Вин. мн. прилагательных в мужском роде флексии *-ья* заменены на *-ые*, а в женском и среднем роде – наоборот: *-ые* на *-ья*. Ср.: *цареи, которыя раззорили – которые* с. 3, *тихия южныя вѣтры – тихіе южные* с. 5, *їсточники, текуция – текущіе* с. 4, *чрез .. пороги страшныя – страшные* с. 3, *принесли всякия плоды – всякие* с. 9, *оныя красныя мѣста – оныя красныя мѣста* с. 1, *древеса фиговые, алисковыя ѿ гранатныя – фиговья, алисковыя и гранатныя* с. 6, *сочиняли воды чистыя ѿ свѣтлыя – чистыя и свѣтлыя* с. 4, *воды тихіе – тихія* с. 6;

13) в некоторых случаях устанены аористные формы: *Телемакъ нача еще сказывати – началъ* с. 13, *потомъ глагола – потомъ говорилъ* с. 17;

14) в некоторых случаях устранены краткие согласованные формы действительных причастий: *виноградъ простирающе ветви – простирающій* с. 4;

15) притяжательное местоимение может быть заменено возвратно-притяжательным: *Прійму тебя, яко моего сына – своего сына* с. 4;

16) иногда наблюдаются однотипные лексико-стилистические замены: *рече – говоритъ* с. 17, 19.

Кроме того, в издании 1747 г. обнаруживаются немногочисленные случаи воспроизведения ошибочного чтения, а также случаи пропуска коротких фрагментов текста. Возможно, речь идет о сознательном пропуске издателем безнадежно испорченных мест, в которых от копии к копии обнаруживается все меньше смысла. Характер этого процесса наглядно демонстрирует следующий пример. Ср.:

ї древъѣса великия рождали яблоки златыя, . (РГБ, Беляева № 50).

и древесам великая разждали яблоки златыя... (РНБ, Колобова № 396).

и древесамѣ великия роздали яблоки златыя... (РНБ, F. XV. 13).

и древесам великая раздола, яблоки златыя.. (изд. 1747, с. 5).

Заключительная часть третьей главы посвящена лингвистическому анализу «Похождения Телемака». Очевидно, что при работе над двумя рассматриваемыми переводами А. Ф. Хрущовым решались разные задачи, ведь если в случае с трактатом «О правлении» речь шла о тексте, жанр которого не диктовал переводчику никакого стилистического задания, то в случае с «Телемаком» подразумевалось использование языка художественной прозы.

В тексте «Похождения Телемака» обращает на себя внимание употребление следующих форм и оборотов, не представленных в тексте второго трактата «О правлении». Это, прежде всего:

1) Дателъный самостоятельный.

Разсвѣтающе дню трояня видели насъ близ себя ї познали (л. 11об.)

2) Инфинитивный оборот с дателъным падежом, построенный, как кажется, по образцу конструкции «винительный с инфинитивом», сфера употребления которой к началу XVIII века расширилась и в составе которой в это время (например, в проповедях Ф. Прокоповича) уже встречается не только инфинитив *быти*, но и конкретные знаменательные глаголы. При этом дателъный падеж появляется здесь, видимо, под влиянием употребительного тогда сочетания «быть чему, кому».

Богиня проразумѣла быти Телѣмаку, сну преславнаго мужа Улисса (л. 7).

Когда бы боги вѣдали ему погибнути, никогда уже не возможет свое отечество видити (л. 10об.).

3) Формы аориста.

Нимфы зажгли огонь великою от дровъ кедровыхъ, благовоение ихъ проиде во вся мѣста (л. 8об.).

По окончанїи обѣда нача богиня говорити Телѣмаку (л. 9об.).

4) Формы имперфекта.

Сто градовъ на всякой годъ даваху мнѣ дань от своего богатства (л. 91об.).

Днем казахъ лице мое веселое и благонадежно, дабы бѣспечальныхъ соблюсти всехъ, которыя были со мною (л. 92).

5) Звательные формы.

Ведаеш ли, о юноше їностранны, что близъ моего владения никто без наказанїя не приближается (л. 7).

6) Формы существительных и глаголов с основой на заднеязычный, отражающие переход «г» > «з».

Вижу добре, о чюжестранныя, что бози їзволили дати вамъ мало участія (л. 13).

Того ради помозите намъ (л. 13об.).

7) Местоимение азъ со связкой, а также церковнославянские формы безличного предиката и вопросительного местоимения нѣсть и кая.

ї твоє потопление не защитѣло бы тебя от гнева моего, ежели бѣ азъ не любила тебя (л. 9об.).

Есмь богиня і никто от человекъ не можетъ взыти на сєи мои островъ без наказания за свою смелость (л. 9об.).

Горе мнѣ, что себѣ повѣрилъ в такихъ лѣтєхъ, в которыхъ еще нѣсть ни предусмотрения будущаго, ни їскуства в прешедшихъ, ни целомудрія в настоящихъ (л. 11об.).

но каѧ блгодать небѣсная дала намъ по нашемъ потопленїи сию богиню їли человека, которая такъ милостивно приемлѣтъ? (л. 8об.).

8) Отсутствующие в тексте второго трактата «О правлении» славянские наречия здѣ, тамо, колико, союз убо, частица точию и предлог посредѣ; а также характерный для книжных текстов союз ибо.

Но мудрыи Манторъ, котораго здѣ видиши, воспретил сему моему неразсудному намерению (л. 10об.).

Пришли ко дверемъ пещеры калипсинымъ, тамо Телѣмакъ zelo удивился, видяше все уборы простотою деревенскою украшены (л. 8; также лл. 7, 8, 10об.).

Енеи, когда услышитъ о таковой жертвѣ, возрадуется, видя коliko ты его любишь (л. 12об.).

І убо приплыхомъ, но горишую погибель себѣ получили, нежели от караблеи, от которыхъ бѣжали (л. 12).

Манторъ в семь страхе показался не точию твердъ і безстрашенъ, но еще паче весель, нежели обыкновенно (л. 11).

Пещера богинина была посредѣ пригорка (л. 8).

.. но хотя боги превосходятъ в познаніи всякого члвка, однако ж не могла уведати, кто оной почтенный мужъ с Телемакомъ былъ Ібо вышнихъ боговъ ізволение скрыватьи от нижнихъ все, что хотятъ (л. 7об.; также лл. 10об, 12об.).

В тексте романа, в отличие от трактата «О правлении», существенно преобладают инфинитивы на -ти (*утешитися* л. 6об., *промолвити* 6об., *быти, уведати, скрыватьи, открытися* 7 и т. д.; но: *сказать* 7об., *содержать* 9об., *верить, презирать* 11об. и т. д.). Здесь формы на -шь соседствуют с формами на -ши (например: *О чемъ скорбиши? Не могу слезы твоя без болѣзни видети: не боися, открой мнѣ сердце твое, ібо знаешь мою любовь*. Л. 84об.).

Что касается придаточных относительных с местоимением *который*, то для текста романа не характерны все типы оборотов, встречающихся в трех рассмотренных выше текстах. В качестве типичного случая можно привести следующий пример: *Венушь еще больше гневается, видяще юного человѣка побѣдителя, которои побѣдилъ Амура и все его прелѣсти* (л. 84). Подобное употребление объясняется, по-видимому, влиянием оригинала, для которого вообще не характерны сложные синтаксические построения и длинные периоды. Ср. в оригинале: *Venus étoit encore plus irritée de voir ce jeune homme qui triomphoit, aiant vaincu l'Amour & tous ses chaemes* (р 148). Из примера видно, что переводчик сознательно избегает употребления как относительно-го местоимения, так и коррелятов.

Вместе с тем, важно отметить, что варьирования флексий в парадигме склонения прилагательных также обнаруживает одно существенное отличие от второго трактата «О правлении». Если в Род. ед. м., ср. и Род. ед. ж. сохра-

няется преобладание окончаний соответственно -ого и -ои, а в Им.-Вин. мн. всех трех родов — окончания -ия, то в Им -Вин ед м. флексии -ьи и -ои выступают в качестве равноправных вариантов. Это видно из следующих таблиц:

Второй трактат «О правлении»		
Им.-Вин. ед. м.	-ои / -ьи	244 / 1 99,6 % / 0,4 %
Род. ед. м. и ср.	-аго / -ого / -ова	48 / 172 / 5 21 % / 76 % / 3 %
Род. ед. ж.	-ои / -ья	306 / 5 98 % / 2 %
Им.-Вин. мн. м.	-ые / -ья	2 / 207 1 % / 99 %
Им.-Вин. мн. ж.	-ые / -ья	3 / 68 4 % / 96 %
Им.-Вин. мн. ср.	-ые / -ья / -ая	2 / 44 / 2 4 % / 92 % / 4 %

«Похождение Телемака»⁸		
Им.-Вин. ед. м.	-ои / -ьи	36 / 23 61 % / 39 %
Род. ед. м. и ср.	-аго / -ого	17 / 39 30,4 % / 69,6 %
Род. ед. ж.	-ои / -ья	12 / 6 66,7 % / 33,3 %
Им.-Вин. мн. м.	-ые / -ья	8 / 23 25,8 % / 74,2 %
Им.-Вин. мн. ж.	-ые / -ья / -ии	5 / 19 / 1 20 % / 76 % / 4 %
Им.-Вин. мн. ср.	-ые / -ья / -ая	5 / 11 / 7 21,7 % / 47,8 % / 30,5 %

⁸ Приведены суммарные данные для кн. I и IX романа.

Результаты сопоставительного анализа текстов указывают на то, что Хрущов наделяет язык художественной прозы определенными дифференциальными признаками. Речь идет об использовании книжно-славянских и собственно русских средств в пределах одного литературного языка. Об этом свидетельствуют высказывания самого Хрущова, который не оценивал язык переведенного им романа как церковнославянский и в лингвистическом сознании которого такое понятие, как стиль художественной прозы, прослеживается достаточно отчетливо.

На титульном листе «Похождения Телемака», в частности, указано: «.. ннѣ переведеса вновѣ на росѣйской языкѣ». Следует учесть, что, если бы Хрущов переводил роман на церковнославянский язык, он воспользовался бы обозначением «славенский», как сделал это в предисловии к «Утешению духовному» Фомы Кемпийского, где писал: «Толко что оставилъ все стихи, которыя авторъ приводилъ ѣз святаго писания, в славенскомъ языке ꙗ не смелъ переменить ни единого слова» (предисловие, л. нумер.; РГБ, Музейное собрание № 2996). В пределах «российского языка» и мыслятся, следовательно, стили обоих рассматриваемых нами переводов

Высоко оценивая роман, Хрущов прежде всего обращается к характеристике его языка, используя понятие «поезического стиля» (то есть стили художественной литературы) и различая при этом прозу и поэзию. Ср.: «Некоторые автора осуждаютъ, что писалъ стилемъ поезическимъ .. <и далее:> Иныя не хвалятъ, что поезическимъ стилемъ писалъ просто, а не рифмами ..» (2 об.). Хрущову, по-видимому, была хорошо известна умеренная позиция Фенелона в споре «о древних и новых». Считая произведения древних образцом для подражания, Фенелон вместе с тем в «Письме о занятиях Французской Академии» выражал пожелание, «чтобы новые превзошли древних». С этой точки зрения Хрущов и оценивает красоту романа, сообщая читателям мнение ученых людей, которые сравнивали стиль Фенелона с произведениями Гомера: «И не точию разделѣниемъ книгъ, но и самимъ стилемъ такъ добре Гомеру послѣдовалъ, что ученые люди ниѣшняго вѣка сумнѣваются, кто болшой похвалы достоинъ, древнѣи ли Гомеръ ꙗли нашъ господинъ де Камбре» (л. 2).

В приведенных словах просматривается, нужно думать, и задача, которую ставит перед собой русский переводчик — создание такого же уди-

вительного по красоте стиля, в котором найдена золотая середина между ясностью и обилием стилистически маркированных средств выражения, ведь именно с этой точки зрения в предисловии охарактеризован язык французского романа: «И не дивно тому, понеже приятность сложения, нравоученія чистое ꙗ непорочное, икономия ꙗ порядокъ всея книги, ꙗяснение честное ꙗ ясное, разговоры приятныя ꙗ вразумительныя, разность случаевъ и множество ꙗ, единымъ словомъ, высокоумие авторова извѣстное ꙗ всемъ вѣдомое всѣхъ люди на похвалу поострили» (л. 2).

Четвертая глава посвящена изменениям на лексическом уровне языка. Отмечается, что в период формирования литературного языка нового типа изменения, происходящие в сфере лексики характеризуется существенным отличием от процессов, наблюдаемых на других уровнях языка. Развитие лексической системы происходит путем образования новых единиц, а не устранения уже имеющихся вариантов. Для закрепления лексических неологизмов в системе языка требуется длительное время, в течение которого они получают достаточное распространение. Изучение лексики, таким образом, должно осуществляться не на уровне отдельных текстов (путем описания их лексического состава), а на уровне лексической системы.

Обогащение словарного состава вообще характерно для формирования литературных языков нового типа. Появление синонимических средств выражения, которые в дальнейшем подвергаются семантической и стилистической дифференциации — частный случай этого процесса. Проблема формирования синонимических рядов в русском языке XVIII век уже привлекала внимание исследователей (В. В. Виноградов, Л. Л. Кутина, Ю. С. Сорокин и др.). Причины существования в лексической системе русского языка XVIII века необычайно разветвленной синонимии Ю. С. Сорокин увидел в нескольких «лежащих на поверхности причинах»: в столкновении различных языковых источников (имеется в виду сосуществование церковно-славянизмов, русизмов и заимствований из западноевропейских языков), а также в активности процессов словообразования, усложнявших синонимические подсистемы различными типами вариантности.

Между тем, когда речь идет о номинации нового для лексической системы того времени понятия, за этими лежащими на поверхности причинами

обнаруживается еще один, до сих пор не привлекавший внимания исследователей и совершенно неизученный процесс. Речь идет о процессе лексического оформления нового понятия, под которым понимается совокупность способов номинации понятия и последовательность их реализации в истории языка. Как правило, новое понятие получает выражение посредством семантических и словообразовательных неологизмов, калек, лексических заимствований, описательных конструкций. Появление целого ряда близких по значению лексем и словосочетаний объясняется тем, что каждому способу номинации, в соответствии с его способностью передавать те или иные содержательные компоненты, присущи особые функции в процессе лексического оформления.

Так, семантические неологизмы обеспечивают связь нового понятия с уже представленными в лексико-семантической системе языка, однако обычно они акцентируют неосновной компонент значений. На первый план выходит семантика, общая для производящего и производного значения. Указанный недостаток компенсируется частым употреблением семантических неологизмов в составе описательных конструкций, причем характерно, что семантика описательной конструкции нередко указывает на родовидовую отнесенность понятия. Например, слово *предвещание* как обозначение понятия 'предчувствие' акцентировало компонент предшествования. В русском языке XVIII века оно использовалось в сочетании *сердечное (в сердце) предвещание*.

Лексические новообразования, имея прозрачную внутреннюю форму и указывая таким образом на содержательные компоненты понятия, также обеспечивают связь нового понятия с уже представленными в лексико-семантической системе языка. Однако этому типу обозначения свойственна другая особенность — наличие семантического варьирования, не маркированного контекстуально. Так, глагол *предчувствовать* варьируется в русском языке XVIII века по признакам "обоснованность предположения" и "связь с будущим". Ср.:

(1) *Сколько слез пролила она <Глумдайт>, раставаясь со мною, власно как предчувствовала уже то, что со мною воспоследует* (Путешествия Гулливеровых кн. вторая СПб., 1772. С. 162).

(2) Когда кто предчувствует кто в себе лихорадку, из слабости, . из отвращения к пище, из беспокойного сна ., из боли головы, членов и груди, дрожания попеременнаго,. испарины, . то немедленно I) Должен . удаляться от большого труда (Керстенс И. Х. Наставления и правила врачебные. М., 1769. С. 28).

(3) Естьли можно истину предчувствовать, то такое предчувствование вероятно (А. Н. Радищев «О человеке, его смертности и бессмертии». Собр. соч. Ч. II. М., 1809. С. 149.

В примере (1) глагол обозначает собственно 'предчувствие', иными словами — необоснованное предположение, связанное с будущим. В примере (2) глагол указывает на ощущение признаков приближающегося события, то есть — на обоснованное предположение, связанное с будущим. В примере (3) речь идет об интуитивное предположении, то есть — необоснованном предположении, не связанном с будущим. Из приведенных примеров видно, что семантическое варьирование не было контекстуально маркировано, что не позволяло лексическим новообразованиям стать первыми и единственными обозначениями новых понятий. Появлению лексических новообразований, как правило, сопутствует, а в некоторых случаях предшествует, появление семантических неологизмов, употребляющихся в составе описательных конструкций и таким образом компенсирующих указанный недостаток.

Наблюдение над способами контекстуального употребления заимствований, обозначавших новые понятия, убеждает в том, что им также присуща определенная функция. Так же как русские обозначения, обладающие прозрачной внутренней формой, сопровождают заимствования в виде контекстуальных уточнений и отдельных примечаний, ориентируя читателя на содержание понятия, заимствования (нередко в нетранслитерированной форме) сопутствует русским обозначениям, указывая читателю на соотносительность употребляемого термина с уже сформированной концептуальной системой, откуда понятие заимствуется

(1) У животных не льзя отнять того, что мы называем наклонность или чувствования сердца (instinct) (Прохладные часы, или Аптека врачующая Ч. I. М., 1793. С. 10).

(2) *Разум мой неповоротлив. На словах не проворен я, очень рассеян, distrail, склонен к запальчивости, щекотлив* (Дневник И. П. Тургенева. С. 228).

Из приведенных примеров видно, что все вышесказанное относится в равной мере как к специальным понятиям, ставшим в последствии общеупотребительными, так и к понятиям неспециальным, содержащим языковые представления языка, из которого оно было заимствовано.

С этой точки зрения в диссертационном исследовании подробно рассматривается история следующих понятий и соответствующих им лексических способов обозначения: 'инстинкт' (*инстинкт, склонность, наклонность, приклонность, побудок, побуждение, своепобуждение, самопобуждение, естественная сила, внутреннее чувствование*), 'предчувствие' (*предсказание, предвещание, предуведение, предчувствие, предчувствование, предощущение*), 'инстинкт самосохранения' (*самолюбие, естественная к себе любовь, собственная к себе любовь, любовь себя самого*), 'рассеянность' (*дистракция, рассеяние, рассеянность*).

В Заключении содержатся выводы исследования, главный из которых звучит следующим образом. К 1720-м годам относится одна из первых попыток создания литературного языка, в котором просматриваются черты полифункциональности и дифференциации стилистических средств. «Нейтральный стиль» этого языка, отраженный в переводе второго трактата «О правлении», обнаруживает черты преемственности по отношению к узусу петровских переводчиков, который характеризуется внутренним единством и на протяжении 1710-х годов обнаруживает постепенное развитие.

В Приложении к диссертации помещены: второй трактат «О правлении» Джона Локка (текст русского рукописного перевода, текст французского оригинала и словоуказатель), книги I и IX романа Ф. Фенелона «Похождение Телемака» (соответствующие фрагменты русского рукописного перевода и французского оригинала), иллюстрации рукописей и редких изданий.

Круглов

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

Монографиях:

1. Имена чувств в русском языке XVIII века. СПб., 1998. 110 с.
2. Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб., 2004. 102 с.

Статьях:

3. История отвлеченной лексики в аспекте номинативных процессов (Понятие 'предчувствие' в русском языке XVIII в.) // Русский язык конца XVII – начала XIX в. СПб., 1999. С. 86–101.
4. Об источниках рукописного перевода второго трактата о правлении Джона Локка // Russian Linguistics. 2000 Vol. 24, № 1. P. 75–80.
5. Номинативные процессы в русском языке XVIII в. (понятия 'инстинкт' и 'рассеянность') // Русский язык конца XVII – начала XIX в. Сборник 2. СПб., 2001. С. 38–66.
6. Русский рукописный перевод 1720-х гг. второго трактата о правлении Джона Локка // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2003. № 4. С. 50–55.
7. Употребление относительных придаточных с местоимением *который* в русском рукописном переводе второго трактата о правлении Джона Локка // Zeitschrift für slavische Philologie. 2003. № 1. С. 61–81.
8. О списках русского рукописного перевода «Утешения духовного» Фомы Кемпийского (Первая треть XVIII в.) // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. I. Ч. 3. СПб., 2003. С. 69–73.
9. Формирование русского литературного языка нового типа (Два рукописных перевода 1720-х годов) // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии. К 80-летию Федора Павловича Сороколетова. СПб., 2004. С. 271–282.

Отпечатано в ООО «АкадемПринт».

С-Пб. ул. Миллионная, 19 Тел.: 315-11-41.

Подписано в печать 10.11.04.

Тираж 100 экз.

РНБ Русский фонд

2007-4

3441